

Ровно в восемь вечера Ли Шэнъань вошёл под своды Отеля Небесной радости.

Просторный вестибюль тонул в полумраке. Ни души — лишь у самого окна в глубоком кресле вольготно устроился Лу Чжаньбай, неторопливо потягивая кофе.

«Какой же нудный псих»

Шэнъань раздражённо вздохнул и решительно направился к столику, опустившись в кресло напротив Чжаньбая.

— Сразу видно делового человека, — элегантно, безупречно одетый Чжаньбай снисходительно улыбнулся. — Даже в душ забежать времени не нашлось? Весь в пыли. Впрочем, тебе идёт. Всё равно чертовски хорош.

Шэнъань огляделся. Вокруг звенела мёртвая, пугающая тишина.

— Опять цирк устраиваешь? — спросил он, хмурясь. — Где постояльцы? И куда делась твоя свита?

— Я выкупил весь ресторан на вечер, — Чжаньбай тихо рассмеялся. — Так откуда здесь взяться посторонним? А охрану я распустил. Зачем она мне, когда рядом лучший защитник на свете?

— Совсем с жиру бесишься, — огрызнулся Шэнъань. — Лишние деньги девать некуда — отдай сиротам, а не пускай пыль в глаза. Не боишься, что я тебе прямо здесь глотку вскрыю?

— Смертных приговоров от тебя я не боюсь, приму в любое время, — беспечно пожал плечами Чжаньбай. — А насчёт трат... Я плачу только за то, что считаю по-настоящему ценным.

— Невероятная честь, — процедил Шэнъань с явным отвращением. — В горло твой ужин не полезет. Говори, зачем звал, или я ухожу.

— Куда ты вечно спешишь? Конечно, у меня есть дело, — мягко возразил Чжаньбай. — Но раз уж пришёл, нужно поужинать. Давай сегодня попробуем кое-что особенное. Как насчёт корейского барбекю?

Он щёлкнул пальцами. Официанты тут же начали заставлять стол тарелками с корейскими закусками, а в центре установили массивную жаровню.

Шэнъань молча схватил стакан с соком, спасаясь от жажды. Чжаньбай тем временем принялся за дело: сам, без помощи слуг, раскладывал на раскалённой решётке маринованное мясо, ломтики рыбы, тигровые креветки и другие морепродукты. В воздухе поплыл дразнящий, пряный аромат, против воли пробуждая аппетит.

Готовые куски Чжаньбай бережно перекладывал на тарелку гостя. Шэнъань демонстративно игнорировал эту навязчивую заботу. Но когда он уже потянулся к палочкам, чтобы наконец успокоить урчащий от голода желудок, раздалось тихое:

— Погоди.

Шэнъань поднял взгляд. Чжаньбай вновь вальяжно взмахнул рукой и щёлкнул пальцами.

Под высокими сводами зала поплыли нежные фортепианные аккорды. Сверху упал яркий луч прожектора, выхватив из темноты изящный рояль в центре зала. Одетый во фрак пианист виртуозно порхал пальцами по клавишам, извлекая щемящую душу мелодию — знаменитую классическую балладу о любви. Но этим дело не ограничилось: откуда-то из полумрака вынырнул скрипач. Он подошёл к их столику и, прикрыв глаза, самозабвенно заиграл в унисон. Скрипка и рояль слились воедино, наполняя пространство густым, обволакивающим звуком.

Шэнъаня от этой дешёвой театральщины затрясло от ярости. Он с силой грохнул ладонью по столу и рявкнул:

— Хватит! Заткнитесь!

Музыка мгновенно оборвалась. Музыканты застыли в нелепых позах, испуганно переглядываясь и не зная, что делать дальше.

— Что, не по вкусу? — Чжаньбай с насмешливым любопытством взгляделся в искажённое злостью лицо собеседника.

— Ты за кого меня принимаешь?! — взвился Шэнъань, сверля его яростным взглядом. — К чему этот дешёвый фарс? Мерзость и пошлость!

Чжаньбай небрежно махнул рукой, отпуская музыкантов, и те поспешно скрылись в темноте.

— Я думал, романтика тебе по душе, — примиряюще улыбнулся он. — Ну, раз нет, то и бог с ней. Тогда взгляни на это. Понравится?

С этими словами он пододвинул к Шэнъаню небольшую чёрную бархатную коробочку.

Шэнъань щёлкнул замком. На шёлковой подложке сияли массивные золотые часы известного бренда, сплошь усыпанные бриллиантами. От такой беспардонности кровь бросилась ему в голову. Он с силой швырнул коробочку обратно Чжаньбаю — та больно ударила хозяина в грудь и упала на стол.

— Ты совсем из ума выжил, Чжаньбай? Чего ты от меня добиваешься?!

Чжаньбай мгновенно перестал улыбаться. Взгляд его сделался тяжёлым, а тон — предельно серьёзным.

— А ты до сих пор не понял? Хватит разыгрывать недотрогу. Я хочу, чтобы мы были вместе. Хочу, чтобы ты стал моим любовником. Чтобы спал со мной и не отходил от меня ни на шаг.

— С ума сошёл! — оборвал его Шэнъань, даже не дав договорить.

— С ума сошёл? — Чжаньбай подался вперёд. — Вовсе нет. Ты мне нужен, Шэнъань. Я спать спокойно не могу — перед глазами только твоё лицо. Ты засел у меня в печёнках, лишил покоя. И за это придётся платить.

— Я мужчина! — выкрикнул Шэнъань.

— Да знаю я! — не уступал Чжаньбай. — Но меня всегда тянуло только к мужчинам — с тех самых пор, как я вообще узнал, что такое секс. Но даже среди них никто и близко не цеплял меня так, как ты. Поэтому я решил пойти на компромисс. Не хочу ломать тебя силой, Шэнъань. Я хочу ухаживать за тобой. По-настоящему, как нормальные люди.

— Но я не такой! — Шэнъань задыхался от гнева. — Меня не интересуют мужики. Я люблю женщин. Мне нужна нормальная жизнь, жена, дети. Я не из ваших!

— Да неужели? — Чжаньбай издевательски усмехнулся. — Думаю, ты сам себя хреново знаешь. Не интересуют мужики? А кто у меня в постели выл и извивался от удовольствия? Кто всю ночь умолял не останавливаться? Кто сам, как последняя сучка, прижимался ко мне всем телом? Твоё траханое тело куда честнее твоего языка!

— Ах ты... ублюдок... — Шэнъаня затрясло так, что слова застряли в горле. Лицо его пошло багровыми пятнами от унижения.

— Что, крыть нечем? — Чжаньбай победно улыбнулся, развивая успех. — К чему это ханжество? Может, раньше ты и не догадывался о своей натуре, но после той безумной ночи неужели ничего не понял? Ну тянет тебя к мужчинам — и что с того? Это не преступление. Какая разница, кто у тебя в постели, если тебе хорошо?

Чжаньбай подался вперёд и заговорил тише, проникновеннее:

— Будь со мной, Шэнъань. Клянусь, я ещё ни перед кем так не пресмыкался. Стоит тебе согласиться, и я положу к твоим ногам всё, о чём ты только мечтаешь. Хочешь успеха? Будут тебе и деньги, и связи, и власть. Сделаю так, что все тебе завидовать будут. Но взамен... взамен ты будешь принадлежать только мне. До самого конца.

— Да пошёл ты со своими планами! — в ярости выкрикнул Шэнъань и бессильно откинулся на

спинку дивана.

Он тяжело дышал. С трудом переведя дыхание, он процедил:

— Я не верю ни единому твоему слову. Я прекрасно знаю, кто я такой. А ты... ты просто разбалованная мразь. С чего ты решил, что вправе распоряжаться моей судьбой? Моя жизнь тебя не касается. Своими деньгами и властью можешь упиваться сколько влезет, но меня в это дерьмо не вмешивай. Предупреждаю: доведёшь меня — я за себя не отвечаю. Живым ты от меня не уйдёшь.

— Какой же ты наивный, Шэнъань, — Чжаньбай презрительно фыркнул. — Напомнить, с кем ты разговариваешь? Какими козырями ты собрался крыть? Своими дешёвыми приёмами карате? Против одного-двоих выступишь, а если против тебя выйдет сотня? Стереть тебя в порошок для меня — раз плюнуть, глазом моргнуть не успеешь. И знаешь почему? Потому что за душой у тебя ни гроша. Не веришь? Рискни, проверь. Раз уж я на тебя нацелился, живым ты из моих рук не вырвешься. Не хочешь по-хорошему — будет по-плохому. Посмотрим, кто первый приползёт на коленях.

— Тогда убей меня прямо сейчас, — Шэнъань устало закрыл глаза.

— И это твой выход? — Чжаньбай заметил, что воля Шэнъаня начинает давать трещину, и немного смягчил тон. — Ты же сам говорил: каждый хочет жить. А раз хочешь жить, значит, есть ради чего. Я тоже когда-то искал смерти, но теперь мой единственный смысл жизни — это ты. А у тебя какой смысл? В этом огромном мире наверняка есть то, что тебе дорого. Так почему не рискнуть? Зачем влачить жалкое существование, если можно взять от жизни всё и ни о чём не жалеть? Думаешь, много потеряешь? Наоборот, получишь всё, о чём даже боялся мечтать. И в придачу — безумную любовь мужчины.

Шэнъань лежал с закрытыми глазами, слушая этот безумный бред. Чудовищный маньяк не отступится — это было очевидно. Что делать? Как спастись?

«Проклятье, ну что этот ублюдок во мне нашёл? Моё лицо? Может, поиграет и бросит? Нет, нельзя на это идти. Только не снова. Я не переживу ещё один адский круг. Я ведь уже верил когда-то похожим клятвам... И чем всё закончилось? Шрамом от пули на теле и растерзанной в клочья душой»

«Тянет ли меня к мужикам на самом деле? Да чёрт его знает. И что теперь, подставить шею под нож? С какой стати?! Почему моя жизнь должна зависеть от прихоти богатого выроodka? Смерть — не выход. Я должен жить, хотя бы ради отца. Но как выпутаться? Что делать, господа, что делать...»

— Чжаньбай, — Шэнъань сделал глубокий вдох, наступая на горло собственной гордости. — Разве мы не можем остаться просто друзьями? Я готов забыть всё, что случилось.

От этих заискивающих слов его так тошнило, что хотелось выть. Но иного выбора не оставалось.

— Исключено, — отрезал Чжаньбай. — Друзья мне не нужны. Мне нужен любимый человек.

Шэнъань окончательно сник, бессильно сползая по спинке кресла.

Видя его мучения, Чжаньбай почувствовал, как в груди зашевелилась непривычная жалость. Всё-таки он безумно любил этого упрямца и не хотел загонять его в угол до полного отчаяния.

Он плеснул в бокал тёмно-красного вина и пододвинул поближе к Шэнъаню.

— Я не требую ответа прямо сейчас. Подумай. Даю тебе время, но не затягивай с решением. А теперь ешь, всё остынет.

«Подумать? О чём тут думать? — Шэнъань обречённо молчал. — Если я откажусь, ты всё равно меня не отпустишь. Лечь под мужика... да лучше пулю в лоб. За какие грехи мне досталось всё это? За что жизнь так издевается надо мной?»

Ладно, хрен с ним. Будь что будет. Пока нужно просто выиграть время. Сделать вид, что думает, пережить эту чёртову ночь, а там видно будет. Может, этот ублюдок перегорит, найдёт себе новую игрушку или у него проснётся совесть... Хотя в последнее верилось с трудом. Шэнъань хватался за любые, даже самые глупые соломинки, лишь бы не сойти с ума.

Шэнъань открыл глаза. Чжаньбай с заботливым видом продолжал подкладывать ему лучшие куски. К горлу подкатила тошнота. Чтобы унять дурноту и заглушить отвращение, он схватил с тарелки горсть мелких, острых стручков зелёного чили и принялся остервенело жевать их, глотая один за другим, словно пресную капусту.

Чжаньбай застыл с палочками в руках, ошеломлённо наблюдая за этой сценой.

— Они что, совсем пресные? — удивлённо прищурился он. — Хрустишь так, будто это сладкий перец.

— А ты сам попробуй, — безразлично бросил Шэнъань и потянулся за следующим стручком.

Чжаньбай перехватил его руку, отобрал перец, брезгливо осмотрел его и уверенно закинул в рот, подражая Шэнъаню. Стал разжёвывать.

— Тьфу! Тьфу, блядь! — Чжаньбай даже не успел заметить, как Шэнъань мимолётно усмехнулся. Он пулей выплюнул жгучую кашицу на салфетку. Лицо его мгновенно пошло пунцовыми пятнами, глаза заслезились. Схватив бокал с вином, он принялся судорожно,

взахлёб глушить остроту. Кое-как отдышавшись, он прохрипел: — Адское пламя! Как ты вообще это жрёшь? Меня чуть наизнанку не вывернуло!

Шэнъань неторопливо щёлкнул зажигалкой, прикурил сигарету и, выпустив плотную струю дыма в потолок, тихо произнёс:

— Вот видишь. Мы с тобой из совершенно разного теста. Нам никогда не понять друг друга.

Чжаньбай пристально посмотрел на него.

В глазах собеседника промелькнуло нечто такое, чего он никогда прежде там не замечал — глухая, беспросветная тоска, сплавленная с непоколебимым упрямством. Но это длилось лишь мгновение. Вспыхнуло и погасло, оставив Чжаньбая в сомнениях, не почудилось ли ему.

— Ешь, — мягко повторил Чжаньбай.

Даже если ты будешь ненавидеть меня до конца своих дней, я тебя не отпущу. Это мой последний шанс. И я поставлю на карту всё, до последнего цента, до последнего вздоха. Чего бы мне это ни стоило.

<http://bllate.org/book/18227/1752970>